

А.Г. Козинцев

ЕВРОПЕОИДЫ, МОНГОЛОИДЫ, АВСТРАЛОИДЫ: СТАДИАЛЬНОСТЬ ИЛИ МЕТИСАЦИЯ?

*Памяти Александра Александровича Зубова и Кристи Джентри Тернера,
внесших неоценимый вклад в антропологическое изучение народов мира*

В прошлогоднем сообщении [Козинцев 2013] говорилось о том, что бицентрическая теория генеалогических взаимоотношений человеческих рас, предложенная Н.Н. Чебоксаровым и А.А. Зубовым [Cheboxarov, Zubov 1967] и считавшаяся у нас твердо установленной, по-видимому, подлежит пересмотру в свете новых генетических данных. В частности, гипотеза восточного надрасового ствола, включающего монголоидов и австралоидов и противостоящего европеоидам, судя по всему, не подтверждается.

Как показало изучение полных геномов представителей разных рас, выполненное под руководством Э. Виллерслева, миграция предков австралоидов из Африки в Аравию и далее на восток по берегу Индийского океана была первым событием в истории колонизации сапиенсами внеафриканских областей ойкумены. Заселение Северной Евразии и, соответственно, дивергенция европеоидов и монголоидов – события гораздо более поздние [Rasmussen et al. 2011].

Гипотеза западного надрасового ствола, якобы объединяющего жителей Африки южнее Сахары и европеоидов (а, по мнению В.П. Алексева [1985. С. 177–178], также и австралоидов), была опровергнута уже давно – когда выяснилось, что африканцы в генеалогическом отношении противостоят всем прочим человеческим группам (новейшие данные о полных геномах см.: [Lachance 2012]). Значит, к какому бы из двух гипотетических надрасовых стволов – восточному или западному – ни относить австралоидов, в бицентрическую теорию они не вписываются.

По той же причине неверна и идея экваториального надрасового ствола, объединяющего тропические расы – африканцев и австралоидов. Правда, эта идея ближе к истине, чем теории «восточного» и «западного» стволов, но все-таки и она не может быть принята, поскольку негроиды и австралоиды – не сестринские группы европеоидов и монголоидов, а их «живые предки». В отношении австралоидов этот взгляд уже высказывался Н.Н. Чебоксаровым [1971: 155] и В.П. Алексеевым [1985: 178], в отношении же негроидов, как выяснили генетики, он еще более справедлив.

В связи с этим я предложил вернуться к гипотезе Р. Бьясутти и восстановить в правах бореальный (северный) надрасовый ствол, объединяющий европеоидов и

монголоидов [Biasutti 1941: 275]. Как ясно из вышесказанного, это единственный на сегодняшний день жизнеспособный надрасовый ствол. Все прочие стволы, выделявшиеся в прошлом, приходится признать фиктивными (рисунок).

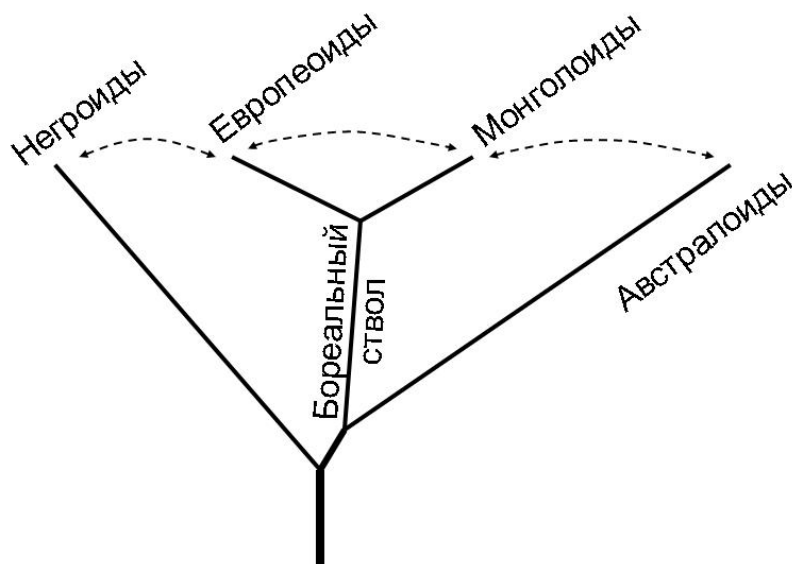

Схема генеалогических отношений основных человеческих рас. Древнейшие африканские линии не показаны. Пунктиром обозначены главные направления метисации.

Концепция бореального ствола оказывается весьма плодотворной для определения таксономического статуса различных групп Северной Азии и их отношения к аборигенным группам Америки. Последнее тому подтверждение – результаты секвенирования полного генома старшего из двух детей, захороненных на верхнепалеолитической стоянке Мальта в Иркутской области древностью 24 тыс. лет (исследование выполнено коллективом генетиков под руководством того же Э. Виллерслева [Raghavan et al. 2014]). Этот геном имеет, как оказалось, западноевразийское происхождение, а кроме того, проявляет специфическое сходство с геномами американских индейцев, тогда как близость к геномам восточноазиатских монголоидов отсутствует. Приписать это поздней европейской примеси невозможно. То же относится и к аутосомному геному человека со стоянки Афонтова Гора близ Красноярска древностью 17 тыс. лет [Там же]. По мнению генетиков, после того, как предки индейцев отделились от монголоидного ствола, но до того, как они распались на подгруппы, то есть до колонизации ими Нового Света, произошла их метисация с европеоидами. Как известно, и археологический инвентарь, и одонтологические данные (Зубов, Гохман, 2003; Turner, Scott, 2007) также указывают скорее на европейские связи жителей Мальты.

Существует две археологические гипотезы, пытающиеся связать предков индейцев с верхнепалеолитическими европейцами. Одна из них выдвинута Г.Ю. Мюллер-Беком, полагавшим, что охотники на крупных животных продвигались из Европы в Сибирь и далее на восток, пока не достигли Берингии (Müller-Beck, 1967). Авторы другой гипотезы – Д. Стэнфорд и Б. Брэдли, по мнению которых, европейцы двигались не на восток, а на запад, по атлантическому льду, через Гренландию (Stanford, Bradley, 2012). Если речь действительно идет о миграции из Европы, то новые генетические данные позволяют отдать предпочтение первой из этих гипотез.

Но действительно ли имела место такая миграция? Есть и третья гипотеза, кажущаяся мне наиболее вероятной. В соответствии с нею, индейцы – представители бореального надрасового ствола. «Европейский» сдвиг, обнаруживающийся в их краниологическом типе и ставивший в тупик антропологов – наследие стадии, предшествующей распаду этого ствола. Подобные черты недифференцированности мы видим, например, на черепах верхнепалеолитических людей из Сунгира и Верхнего Грота Чжоукоудяня (в обоих справедливо усматривали сходство с черепами индейцев). Если эта гипотеза верна, то две предшествующие гипотезы (о прямых европейско-американских связях) становятся излишними.

Новые данные заставляют по-новому взглянуть на генеалогические отношения всех человеческих групп, населяющих Тихоокеанский бассейн. Казалось бы, справедливая идея о том, что австралоиды – «живые предки» всех человеческих групп, кроме негроидных, как и тот факт, что цепочка переходных форм связывает их именно с монголоидами, укрепляет позиции сторонников идеи восточного надрасового ствола. Прежде, когда эта идея почти не вызывала сомнений, я трактовал антропологические данные, относящиеся к населению Восточной и Юго-Восточной Азии, в стадильном духе [Козинцев 2005, 2008]. Именно так интерпретировал одонтологические данные и К. Тернер [Turner 2006]. Действительно, в целом ряде генетических исследований была выявлена близость монголоидов к австралоидам [Zhivotovsky et al. 2003; Jakobsson et al. 2008; Li et al. 2008; Tishkoff et al. 2009; McEvoy et al. 2010; Kidd et al. 2011; Reich et al. 2012]. Однако, во-первых, эти данные не были основаны на секвенировании полных геномов, а во-вторых, на них могла повлиять неучтенная монголоидная примесь у населения южной Пацифики. Между тем, группа Виллерслева (см. выше) впервые изучила полный геном чистокровного австралийского аборигена, а потому именно этим данным нужно отдать предпочтение.

Стадийная теория К. Тернера встретила возражения у некоторых одонтологов. Так, Х. Мацумура и М. Хадсон полагают, что сундадонтия, которую К. Тернер считал

промежуточной стадией между австралоидным и монголоидными одонтологическими комплексами, – не пережиток раннего этапа «монголизации» зубной системы, а результат смешения древних австралоидов Юго-Восточной Азии с носителями монголоидного комплекса – синодонтами, мигрировавшими туда из Китая [Matsumura, Hudson, 2005; Hudson, Matsumura, 2006]. Как указывал В.П. Алексеев [1985: 158], постепенность перехода от австралоидного комплекса к монголоидному у населения Юго-Восточной и Восточной Азии свидетельствует скорее о метисации, чем о сохранении предковых особенностей.

В Восточной Азии есть, однако, группа, которую с полной уверенностью можно считать не метисной, а реликтовой. Это айны. Именно у них никакой антропологической промежуточности не наблюдается. Сочетание признаков у айнов крайне противоречиво. Генетически они однозначно сближаются с северными и восточными монголоидами (отнести это целиком за счет метисности невозможно), сундадонтия объединяет их с южными монголоидами, а краниологически и особенно соматологически айны вовсе не монголоидны [Kozintsev 1992, 1993]. Метисность айнов не подлежит сомнению [Kozintsev 1990], но ею дело явно не исчерпывается. По «вычете» монголоидной примеси айнский комплекс становится не менее, а еще более мозаичным. Если бы восточный надрасовый ствол существовал, айнов следовало бы считать его ранними представителями. Но в свете новых данных есть основания рассматривать их в качестве ранней ветви бореального ствола, точнее, в качестве «живых предков» монголоидов [Трофимова 1932]. Если так, то их «австралоидные» черты нужно расценивать не как свидетельство миграции их предков с юга, а как проявление неспецифического архаизма.

Сорок лет назад, сопоставив айнскую краниологическую серию с сериями черепов других народов, я обнаружил, что ближе всего к айнам по совокупности признаков – группы, явно не состоящие с ними в близком родстве, а именно, полинезийцы, некоторые американские индейцы и представители уральской расы [Козинцев 1974]. В то время такой результат можно было отнести за счет случайности или издержек статистического метода. Вернувшись к нему много лет спустя, я расценил его как отражение протоморфности, присущий всем перечисленным группам [Козинцев 2008]. В те годы еще господствовала бицентрическая теория. Айнов, как и полинезийцев и индейцев, казалось разумным относить к восточному стволу.

Труднее было объяснить, откуда у представителей восточного ствола, как все мы думали, более родственных австралоидам, чем европеоидам, взялось краниологическое сходство с уральской расой. Ведь последнюю нужно считать либо метисной европеоидно-монголоидной, либо (что более вероятно) отражающей раннюю стадию европеоидно-

монголоидной дивергенции. Почему же, в таком случае, у уральцев нет австралоидных признаков, которые неизбежно должны были бы присутствовать в случае правильности бицентрической теории? Быть может, дело в естественном отборе против «тропической» морфологии на севере? Пересмотр расовой систематики избавляет нас от необходимости раздумывать над подобными вопросами. Все перечисленные группы оказываются включенными в бореальный ствол, и сходство между любыми его представителями, не связанными близким родством, можно расценивать как проявление замедленных темпов эволюции.

Существенным аргументом в пользу бицентрической теории расообразования А.А. Зубов считал то обстоятельство, что в Индии признаки восточного одонтологического комплекса несколько сильнее коррелируют с экваториальными, чем с монголоидными чертами физического типа [Зубов, Гашимова 1982]. Однако эта закономерность проявляется в основном за счет мундаязычных санталов Северо-восточной Индии, у которых восточный одонтологический комплекс выражен особенно сильно. Их расовый тип промежуточен между монголоидным и австралоидным [Абдушелишвили 1982]. В двух группах, живущих в Западной Индии, число восточных одонтологических признаков повышено незначительно, причем в одной из них (у каткари) отчетливее проявляется австралоидная тенденция, в другой (у бхиллов) – монголоидная [Там же]. С каким из двух компонентов – монголоидным или австралоидным – следует связывать восточные одонтологические признаки в индийских группах, сказать на основании этих данных затруднительно.

Выбор, однако, облегчается новейшими генетическими данными. Как установили генетики, ближе всего к чистокровному австралийскому аборигену находятся именно мунда, которых, следовательно, также можно считать потомками древнейших сапиенсов, мигрировавших из Африки на восток [Rasmussen et al., 2011]. Если это действительно так, то «восточные» одонтологические признаки, отмеченные у мунда и, вероятно, в других индийских группах, имеют домонголоидное, то есть австралоидное происхождение, как и полагал А.А. Зубов. Но в таком случае они не могут считаться аргументом в пользу существования восточного надрасового ствола, потому что монголоидная раса возникла на иной – бореальной – основе (см. выше).

Еще одно обстоятельство ослабляет позиции сторонников гипотезы восточного ствола. Одонтологические параллели указанным индийским группам, особенно каткари, обнаружались у населения о-ва Сокотра (Йемен), где подозревать какое-либо восточное влияние затруднительно [Шинкаренко и др. 1984]. Зато есть веские основания считать, что у сокотрийцев, как и у жителей южноаравийского побережья, сохранились

генетические черты, унаследованные от первых сапиенсов, мигрировавших из Африки по южному пути (аргументы в пользу этой точки зрения см.: [Козинцев 2013]). Следует ожидать, что антропологические следы этой миграции будут обнаруживаться на всем протяжении древнейшего пути на восток, причем, как показывает пример мунда, не только в прибрежных, но и во внутренних районах Южной и Юго-Восточной Азии.

Библиография

Абдушелишвили М.Г. Антропологический состав населения Северо-западной Индии // Новые материалы к антропологии Западной Индии / ред. Абдушелишвили М.Г., Малхотра К.Ч. М., 1982. С. 27–146.

Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль, 1985.

Зубов А.А., Гашимова У.Ф. Одонтологическая характеристика населения Западной Индии // Новые материалы к антропологии Западной Индии / ред. Абдушелишвили М.Г., Малхотра К.Ч. М., 1982. С. 157–174.

Зубов А.А., Гохман И.И. Некоторые одонтологические данные по верхнепалеолитической стоянке Мальта // Вестник антропологии. 2003. № 10. С. 14-23.

Козинцев А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расогенетические проблемы в этнической истории. Сборник памяти Георгия Францевича Дебеца / ред. Золотарева И.М. М., 1974. С. 229–242.

Козинцев А.Г. Неравномерность темпов эволюции и систематика человеческих групп // VI конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. СПб: МАЭ РАН, 2005. С. 372-373. Полный текст доклада : https://www.academia.edu/4736421/..._VI_2005

Козинцев А.Г. Индонезийцы, индейцы и протоморфные монголоиды Западной Сибири // Индонезийцы и их соседи. Festschrift Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / ред. Станюкович М.В. СПб: МАЭ РАН, 2008 (Маклаевский сборник. Вып. 1). С. 355–360.

Козинцев А.Г. Расовая классификация в свете новых генетических данных // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб: МАЭ РАН, 2013. С. 64-71.

Трофимова Т.А. К айнской проблеме // Антропологический журнал. 1932. № 2 С. 89–103.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971.

Шинкаренко В.С., Наумкин В.В., Хить Г.Л., Зубов А.А. Антропологические исследования на о. Сокотра // Советская этнография. 1984. № 4. С. 53–62.

Biasutti R. Le razze e i popoli della terra. Т. 1. Torino, Unione tipografico-editrice torinese, 1941.

Cheboxarov N., Zoubov A. The main problems of the ethnic anthropology of India // XXVII International Congress of Orientalists. Papers presented by the USSR delegation. Moscow: б.и., 1967.

Hudson M.J., Matsumura H. “Sundadonty” and the population history of Southeast Asia: A reply to Turner // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 130. № 4. P. 458–461.

Jakobsson M., Scholz S., Scheet P. et al. Genotype, haplotype and copy-number variation in worldwide populations // Nature. 2008. Vol. 451. № 7181. P. 998–1003.

Kidd J.R., Friedlaender F., Pakstis A.J. et al. Single nucleotide polymorphisms and haplotypes in Native American populations // American Journal of Physical Anthropology. 2011. Vol. 146. № 4. P. 495–502.

Kozintsev A.G. Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours // Journal of the Anthropological Society of Nippon. 1990. Vol. 98. № 3. P. 247–267.

Kozintsev A.G. Prehistoric and recent populations of Japan: Multivariate analysis of cranioscopic data // Arctic Anthropology. 1992. Vol. 29. № 1. P. 104–111.

Kozintsev A.G. Ainu origins in the light of modern physical anthropology // Homo. 1993. Vol. 44. № 2. P. 105–127.

Lachance J., Vernot B., Elbers C.C. et al. Evolutionary history and adaptation from high-coverage whole-genome sequences of diverse African hunter-gatherers // Cell. 2012. Vol. 150. № 3. P. 457–469.

Li J.Z., Absher D.M., Tang H. et al. Worldwide human relationships inferred from genome-wide patterns of variation // Science. 2008. Vol. 319. № 5866. P. 1100–1104.

Matsumura H., Hudson M.J. Dental perspectives on the population history of Southeast Asia // American Journal of Physical Anthropology. 2005. Vol. 127. № 2. P. 182–209.

McEvoy B.P., Lind J.M., Wang E.T. et al. Whole-genome genetic diversity in a sample of Australians with deep aboriginal ancestry // American Journal of Human Genetics. 2010. Vol. 87. № 2. P. 297–305.

Müller-Beck H.J. On migrations of hunters across the Bering land bridge in the Upper Paleolithic // The Bering Land Bridge / ed. Hopkins D.M. Stanford, 1967. P. 373–408.

Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E. et al. Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // Nature. 2014. Vol. 505. № 7481. P. 87–91/

Rasmussen M., Guo X., Wang Y. et al. An aboriginal Australian genome reveals separate human dispersals into Asia // *Science*. 2011. Vol. 334. № 6052. P. 94–98.

Reich D., Patterson N., Kircher M. et al. Denisova admixture and the first modern human dispersals into Southeast Asia and Oceania // *American Journal of Human Genetics*. 2011. Vol. 89. № 4. P. 516–528.

Stanford D., Bradley B. *Across Atlantic Ice: The Origin of America's Clovis Culture*. Berkeley, 2012.

Tishkoff S.A., Reed F.A., Friedlaender F.R. et al. The genetic structure and history of Africans and African Americans // *Science*. 2009. Vol. 324. № 5930. P. 1035–1044.

Turner C.G. Dental morphology and the population history of the Pacific rim and basin: Commentary on Hirofumi Matsumura and Mark J. Hudson // *American Journal of Physical Anthropology*. 2006. Vol. 130. № 4. P. 455–461.

Turner C.G., Scott G.R. The dentition of American Indians: Evolutionary results and demographic implications following colonization from Siberia // *Handbook of Paleoanthropology* / eds. Henke W., Tattersall I. Berlin e.a., 2007. Vol. 3. P. 1901–1942.

Zhivotovsky L.A., Rosenberg N.A., Feldman M.W. Features of evolution and expansion of modern humans, inferred from genomewide microsatellite markers // *American Journal of Human Genetics*. 2003. Vol. 72. № 5. P. 1171–1186.